

ЧЕЛОВЕК МОИСЕЙ И МОНОТЕИСТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

I. Египтянин Моисей

Отнять у народа человека, которым он гордится как величайшим среди своих сынов, — за такое дело берешься неохотно и не с легкой душой, тем более если сам к этому народу принадлежишь. Но никакие поучительные примеры не подвигнут меня отставить истину ради мнимых национальных интересов, а от прояснения некоторых обстоятельств следует ожидать, между прочим, определенного приобретения для нашей теории.

Человек по имени *Моисей*, явившийся для еврейского народа освободителем, законодателем и основателем религии, принадлежит столь отдаленным временам, что нельзя миновать предварительного вопроса о том, историческая ли он личность или порождение легенды. Если он действительно жил на земле, это было в XIII, но, возможно, и в XIV в. до нашего летосчисления; у нас нет о нем других сведений, кроме как из священных книг и из письменного предания иудеев. Хотя, таким образом, принять решение в ту или другую сторону с последней достоверностью невозможно, преобладающее большинство историков высказывается всё же за то, что Моисей существовал, и связываемый с ним исход из Египта реально имел место. Не без основания утверждают, что вся позднейшая история израильского народа оказалась бы непонятной, если не согласиться с этой предпосылкой. Сегодняшняя наука ведь вообще стала осторожнее и гораздо бережнее обращаться с преданиями, чем в начальную эпоху исторической критики.

Первое, что привлекает наш интерес в личности Моисея, — это имя, которое на иврите звучит как *Моше*. Невольно спрашиваешь: каково

его происхождение? Что оно означает? Как известно, ответ предлагается уже в книге Исход, гл. 2. Там рассказывается, что египетская принцесса, спасая оставленного в Ниле мальчика, дала ему это имя с этимологическим обоснованием: «потому что я из воды вынула его». Однако это объяснение явно неудовлетворительно. «Библейское истолкование имени *Вынутый из воды*, — считает один из авторов «Еврейского лексикона»¹, — принадлежит к жанру народной этимологии, с которой не согласуется уже активная древнееврейская форма (*Моше* может в лучшем случае означать *Вынимающий*)». Можно подкрепить этот отвод двумя дополнительными соображениями: во-первых, что нелепо приписывать египетской принцессе заимствование имени из еврейского языка, и во-вторых, что вода, из которой был вынут младенец, с очень большой степенью вероятности была не нильской водой.

Наоборот, с давних пор и с различных сторон высказывалось предположение, что имя Моисей происходит из египетского языка. Не приводя всех авторов, высказывавшихся в этом смысле, я выпишу в переводе соответствующее место из новой книги Дж. Брестеда² — автора, чья «История Египта» (1906) расценивается как основополагающий труд. «Примечательно, что его (этого вождя) имя, Моисей, было египетским. Это просто египетское слово *мосе*, означающее *дитя*, и оно является сокращением более полных форм имени, как, например, Амон-мосе, т. е. Амон-дитя, или Птах-мосе — Птах-дитя; эти имена — в свою очередь сокращения более длинных фраз: Амон (подарил) дитя, или Птах (подарил) дитя. Имя *дитя* стало вскоре более удобной заменой вместо многосложных полных имен, и форма имени *Мосе* нередко встречается на египетских памятниках. Отец Моисея, наверное, дал ему имя, в состав которого входили Птах или Амон, а в повседневной жизни имя божества постепенно отпадало, пока мальчика не стали звать просто *Мосе*. (Греческие переводчики

¹ Jüdisches Lexikon, begründet von Herlitz und Kirschner. Berlin: Jüdischer Verlag, 1930, Bd IV.

² *Breasted J. H.* The dawn of conscience. London, 1934, p. 350.

Ветхого завета добавили к этому имени конечное *с*, которого нет и в древнееврейском, где египетское имя произносится как *Моше*.)» Я дословно передал это место и никоим образом не готов разделять с его автором ответственность за отдельные частности. Я также слегка удивлен тем, что в своем перечислении Брестед прошел мимо аналогичных теофорных имен, имеющих в списке египетских фараонов, как *Ах-мосе*, *Тот-мосе* (Тотмес) и *Ра-мосе* (Рамсес).

И вот следовало бы ожидать, что кто-то из многих исследователей, опознавших имя Моисей как египетское, сделает вывод или хотя бы задумается о той возможности, что носитель египетского имени сам был египтянин. В наше время мы легко разрешаем себе подобные умозаключения, хотя сейчас человек носит не одно, а два имени, семейное и свое личное, и хотя в теперешних условиях не исключены изменения и переименования имен. Мы, соответственно, ничуть не изумляемся, когда подтверждается, что поэт Шамиссо француз по происхождению, Наполеон Бонапарт, наоборот, итальянец, а Бенджамин Дизраэли — действительно итальянский еврей, как заставляет думать его имя. Для древних же и архаических эпох, естественно предположить, подобное умозаключение от имени к национальной принадлежности должно было бы демонстрировать еще бóльшую надежность и, собственно, даже напрашиваться. Тем не менее, насколько мне известно, в случае Моисея ни один историк не сделал этого умозаключения — даже ни один из тех, которые, как тот же Брестед, готовы допустить, что Моисей был посвящен «во всю мудрость египтян»¹.

Что тут было помехой, отгадать непросто. Возможно, непреодолимое уважение к библейской традиции. Возможно, слишком уж чудовищным казалось предположение, что этот человек, Моисей, способен оказаться кем-то иным, кроме как евреем. Во всяком случае, остается фактом, что признание египетского происхождения имени не

¹ *Breasted J. H. The dawn of conscience... P. 334.* Хотя предположение, что Моисей был египтянин, с древнейших времен до наших дней довольно часто высказывалось без апелляции к его имени.

считается решающим для суждения о национальности Моисея и что никаких дальнейших выводов отсюда не делается. Если придавать значение вопросу о национальной принадлежности этого великого человека, то, несомненно, желательно представить новый материал для ответа на него.

Такова цель моей небольшой работы. Ее притязание на место в журнале «Имаго» основывается на том, что она является опытом прикладного психоанализа. Добытые таким путем доводы произведут впечатление, конечно, только на то меньшинство читателей, которое знакомо с аналитической мыслью и умеет ценить ее результаты. Зато уж им, надеюсь, эти результаты покажутся важными.

В 1909 г. О. Ранк, тогда еще под моим влиянием, по моему настоянию опубликовал статью под названием «Миф о рождении героев»¹. В ней идет речь о том обстоятельстве, что «почти все выдающиеся культурные народы... с раннего времени в поэмах и сказаниях возвеличивали своих героев, сказочных царей и вождей, религиозных основоположников, основателей династий, государств и городов, короче, своих национальных героев... И прежде всего история рождения и юности этих личностей наделялась фантастическими чертами, чья обескураживающая сходность, а отчасти и буквальная одинаковость у разных, очень удаленных друг от друга и совершенно самостоятельных народов давно известна и отмечалась множеством исследователей». Если по методу Ранка с применением гальтоновской техники построить некую «усредненную легенду», выявляющую существенные черты всех этих историй, то мы получим следующую картину:

«Герой — дитя *высокороднейших* родителей, большей частью царский сын.

Его появлению на свет предшествуют трудности, например воздержание, или долгое бесплодие, или тайное, вследствие внешних

¹ Schriften zur angewandten Seelenkunde. Hft. 5, hg. Fr. Deuticke, Wien. Я вовсе не собираюсь приуменьшить ценность самостоятельного вклада Ранка в эту работу.

запретов или помех, сношение родителей. Во время беременности или еще раньше имеет место предостерегающее предсказание (сон, оракул), большей частью грозящее отцу.

В результате новорожденный ребенок, обычно по настоянию *отца или замещающей его фигуры*, обрекается на смерть или *отвержение*; как правило, он в каком-нибудь *сундучке* опускается в *воду*.

Его тогда *спасают* звери или *бедные люди (пастухи)*, он вскармливается *самкой животного* или *бедной женщиной*.

Выросши, он на полном превратностей пути вновь находит своих высоких родителей, *отмщает отцу*, с одной стороны, и достигает *признания* — с другой, поднимаясь к величию и славе».

Древнейшим из исторических персонажей, к которому был привязан этот миф о рождении, является Саргон из Аккаде, основатель Вавилона (ок. 2300 до Р. Х.). Нам было бы небезынтересным воспроизвести здесь сообщение, приписываемое ему:

«Я Саргон, могущественный царь, царь Аккаде. Моя мать была весталкой, отца я не знал, а брат моего отца жил в горах. Мать моя, весталка, забеременела мною в моем городе Азурипани, стоящем на берегу Евфрата. *Тайно родила она меня. Она положила меня в сосуд из тростника*, залепила земляной смолой отверстия и *пустила меня вниз по течению*, в котором я не утонул. Поток принес меня к Акки, черпальщику воды. Акки, черпальщик воды, по доброте своего сердца вынул меня. Акки, черпальщик воды, как собственного сына воспитал он меня. Акки, черпальщик воды, своим садовником сделал он меня. В моем садовническом служении Иштар расположилась ко мне, я стал царем и 45 лет отправлял царскую власть».

Наиболее знакомые нам имена в ряду, начинающемся с Саргона из Аккаде, — Моисей, Кир и Ромул. Но, кроме того, Ранк сопоставил большое число героических образов поэзии и мифов, в отношении которых в ходу та же история рождения и взросления, будь то в целом или в легко опознаваемых фрагментах, как-то: Эдип, Карна, Парис, Телеф, Персей, Геракл, Гильгамеш, Амфион и Зеф и т. д.

Благодаря исследованиям Ранка источник и направленность этого мифа нам теперь известны. Я должен только в кратких чертах напомнить о сути дела. Герой — тот, кто мужественно восстает против своего отца и в конечном счете победоносно его пересиливает. Наш миф прослеживает эту борьбу вплоть до прадревней эпохи индивидуума, описывая рождение ребенка против воли отца и его спасение вопреки злему отцовскому замыслу. Подкидывание ребенка в корзине — это недвусмысленное символическое изображение родов, корзина — материнское тело, вода — та, в которой плавает неродившийся плод. В неисчислимом множестве сновидений отношение родителей к ребенку изображается через извлечение из воды или спасение из воды. Когда народная фантазия привязывает этот миф о рождении к той или иной выдающейся личности, то цель здесь — признать человека как героя, провозгласить, что он отвечает схеме героической жизни. Источник же вымысла в целом — это так называемый «семейный роман» ребенка, в котором сын реагирует на изменение своего эмоционального отношения к родителям, особенно к отцу. Первые годы детства проходят под знаком благородного возвеличения отца, соответственно чему царь и царица, король и королева в сновидении и сказке всегда обозначают только родителей; позднее под влиянием соперничества и разочарования реальностью начинается отход от родителей и критическая настороженность к отцу. Обе семьи мифа, благородная и бедная, — это, соответственно, отражения одной и той же собственной семьи, какую она предстает ребенку в разные эпохи его жизни.

Мы вправе утверждать, что тем самым получают полное разъяснение как распространенность, так и единообразие мифа о рождении героя. Тем более заслуживает нашего интереса то, что легенда о рождении и подкидывании Моисея занимает особое положение, а в одном существенном пункте даже противоречит другим аналогичным легендам.

Будем отталкиваться от двух семей, определяющих в легенде судьбу ребенка. Мы знаем, что в психоаналитическом истолковании они совпадают, различаясь между собою только во времени. В типической

форме легенды первая семья, в которой рождается ребенок, — благородная, большей частью царственная; вторая, в которой вырастает ребенок, — низкопоставленная или униженная, как, впрочем, и прилично обстоятельствам, раскрываемым в ходе анализа. Только в легенде об Эдипе это различие смазано. Там ребенок, подкинутый из одной царской семьи, принимается другой царственной супружеской парой. Напрашивается мысль: едва ли случайность то, что именно в данном примере просвечивает исконное тождество обеих семей, даже в легенде. Социальный контраст двух семей придает мифу, который, как мы знаем, призван подчеркнуть героическую природу великого человека, вторую функцию, которая становится особенно значимой для исторических персонажей. Миф становится пригоден также и для того, чтобы служить герою жалованной грамотой, социально возвышать его. Так Кир для мидийцев — чужак-завоеватель, но как подкидыш из легенды он становится внуком индийского царя. Опять же Ромул: если соответствовавшее ему лицо реально существовало, то лишь в качестве прибеглого авантюриста, выскочки; легенда делает его потомком и наследником царской династии Альба Лонга.

Совсем по-другому — в случае Моисея. Здесь первая семья, в других случаях благородная, довольно скромна. Он дитя еврейских левитов. Вторая же, бедная семья, в которой обычно приходится расти герою, заменена египетским царским домом; дочь фараона воспитывает его как своего собственного сына. Эта типологическая аномалия привела многих в замешательство. Эдуард Мейер и последовавшие за ним решили считать, что исконная легенда звучала иначе: фараон предупрежден пророческим сновидением¹, что сын его дочери несет угрозу ему и его власти, он пускает поэтому родившегося ребенка в воды Нила, но еврейская семья его спасает и воспитывает как собственного ребенка. Позднее из «национальных побуждений», как выражается Ранк², легенда приняла вследствие переработки известную нам форму.

¹ Упоминается также в сообщении Иосифа Флавия.

² Указ. соч., с. 80, примечание.

Однако несложное соображение показывает, что подобной исконной легенды о Моисее, уже не отличающейся от прочих, не могло существовать. В самом деле, легенда должна иметь или египетское, или еврейское происхождение. Первое исключено; у египтян не было причин возвеличивать Моисея, он не их герой. Значит, предание возникло в еврейском народе, т. е. было в своей общеизвестной форме привязано к личности вождя. Но для этого оно совершенно не годилось, потому что какой прок народу от предания, которое делает народного героя чужаком?

В той форме, в какой сказание о Моисее сегодня лежит перед нами, оно примечательным образом не отвечает своему тайному замыслу. Если Моисей не царский отпрыск, легенда не вправе делать его героем; если он остается при своем еврейском происхождении, она не позаботилась о его возвеличении. Только кусочек всего мифа сохраняет действительность — утверждение, что ребенок вопреки сильным внешним препятствиям устоял, и эту черту затем повторяет также история детства Иисуса, в которой царь Ирод берет на себя роль фараона. Мы в таком случае действительно свободны принять, что какой-то поздний неловкий обработчик мифологического материала почувствовал потребность приписать своему герою Моисею что-то похожее на классическую, для героя характерную легенду о подкидыше, но это Моисею не подходило ввиду особенных обстоятельств случая.

Этим неудовлетворительным и сверх того ненадежным результатом наше исследование должно было бы удовлетвориться, ничего не дав для ответа на вопрос, был ли Моисей египтянином. Но к оценке легенды о подкидыше есть еще и другой, возможно, более обнадеживающий подход.

Возвратимся к двум семьям, о которых повествует миф. Мы знаем, что на уровне аналитического истолкования они идентичны; на мифологическом уровне они различаются как знатная и низкая. Когда, однако, дело идет об историческом лице, к которому привязан миф, то есть третий уровень, уровень реальности. Одна семья — реальная, в ней лицо, великий человек, действительно родился и вырос;

вторая — фиктивная, придуманная мифом ради своих целей. Как правило, реальная семья совпадает с низкой, придуманная — с благородной. В случае с Моисеем, мы видели, кое-что переиначено. И наш новый подход, возможно, ведет к открытию, что первая семья, та, из которой подкинут ребенок, как и во всех аналогичных случаях, — выдуманная, а вторая, в которую он принят и где вырастает, — настоящая. Если у нас хватит смелости, приняв названный порядок за общее правило, подвести под него также и легенду о Моисее, то нам сразу станет ясно: Моисей — египтянин, возможно, высокородный, которого легенде обязательно нужно превратить в еврея. Тогда всё совпадает! Подкидывание в воду занимает место, какое и должно занимать; чтобы приспособить к новому смыслу, цель подкидывания пришлось видоизменить, не без насилия: целью стало не отделаться от ребенка, а спасти его.

Отклонение легенды о Моисее от всех других того же рода можно было, однако, объяснить некоторой особенностью его истории. Если все другие герои в течение своей жизни поднимаются ввысь, героическая жизнь человека Моисея началась тем, что он спустился со своей высоты, снизошел до детей Израиля.

Мы предприняли свое маленькое исследование в надежде добыть второй, новый аргумент в пользу предположения, что Моисей был египтянин. Мы знаем, что первый аргумент, опирающийся на имя, не произвел на многих никакого решающего впечатления¹. Надо быть готовым к тому, что наш новый аргумент, взятый из анализа легенды о подкидыше, окажется столь же неудачливым. Нам, пожа-

¹ Так, Эдуард Мейер пишет (*Meyer E. Die Mosessagen und die Leviten, Berliner Sitzungsbericht, 1905, S. 651*): «Имя Моисей — вероятно, а имя Финеес (Пинхас) в священническом роду Силома (Царств 1, 3) — бесспорно египетское. Этим, разумеется, не доказано, что сами роды были египетского происхождения; можно, однако, предполагать, что они имели отношения с Египтом». Естественно, спрашивается, как же надо понимать эти отношения.

луй, поставят на вид, что обстоятельства создания и переименования легенд слишком всё же темны, чтобы оправдывать умозаключения вроде нашего, и что предание о герое Моисее при своей спутанности, своих противоречиях, ввиду бесспорных признаков тысячелетиями длившейся тенденциозной переработки и сюжетных переплетений, должно сделать тщетными все попытки вывести на свет кроющееся за ним зерно исторической истины. Лично я такую гиперкритическую установку не разделяю, однако и опровергнуть ее тоже не в состоянии. Если бóльшая степень достоверности оказалась недостижимой, то зачем я вообще довожу это свое исследование до сведения общественности? К сожалению, и в оправданиях своего поступка я тоже не могу пойти дальше догадок и намеков. Скажу, что если оттолкнуться от двух вышеприведенных аргументов и попытаться всерьез принять допущение о знатном египетском происхождении Моисея, то приоткроются крайне интересные и далекоидущие перспективы. В опоре на некоторые вполне разумные предположения мы, похоже, окажемся в состоянии понять мотивы, руководившие Моисеем в его необычном предприятии, и в тесной связи с этим нащупаем вероятное обоснование многочисленных черт и особенностей законодательства и религии, которые он дал еврейскому народу; мы достигнем также понимания важных аспектов возникновения монотеистических религий вообще. Но выводы столь важного рода нельзя строить только на психологическом правдоподобии. Если мы принимаем египетское происхождение Моисея за исторически реальную точку опоры, то как минимум требуется хотя бы еще один надежный факт, способный защитить весь массив всплывающих здесь возможностей от упреков в фантастичности и слишком большом отрыве от действительности. Для этой цели хватило бы, скажем, объективного свидетельства о том, на какое время приходится жизнь Моисея и, стало быть, выход евреев из Египта. Такого свидетельства, однако, не обнаружено, так что с извлечением дальнейших выводов из допущения, что Моисей был египтянин, следовало бы лучше повременить.